

УДК 94+355.01 (430)

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПОЛЕМИКА ЭРНСТА ЮНГЕРА С НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье исследуется проблематика политической публицистики немецких правых в годы Веймарской республики на пример анализа места, интерпретации и значения еврейского вопроса в творческом наследии Эрнста Юнгера. В условиях послевоенной Германии антисемитизм приобрел политическое звучание в силу того, что в революционной власти, социал-демократической и леворадикальных партиях был представлен значительный процент немецких евреев, которые превращались в лицо Веймарской республики. Антисемитизм становился важным внутривнутриполитическим компонентом борьбы против веймарской политической системы, позволявшим сводить политическую полемику к расовым и национальным компонентам. Анализируется единство и отличие политической публицистики нацистов и Э. Юнгера как лидера «нового национализма». Рассматривается место еврейского вопроса как политической проблемы в контексте националистических идей веймарских правых. Осуществляется изучение особенностей понимания еврейства в представлениях Э. Юнгера и его отличие от нацистской интерпретации. Стремление национал-социализма превратить антисемитизм в один из структурных компонентов идеологии и политической публицистики позволяло сгруппировать политических противников в единой расовоопределенное целое и сконцентрировать против него весь комплекс политических средств борьбы. Политическое расхождение Э. Юнгера и национал-социализма основывалось помимо политических расхождений и на том, что место еврейского вопроса в его представлениях не занимало сколько-нибудь значимого места, не в плане идеологическом, ни в плане личностном.

Ключевые слова: А. Гитлер, Э. Юнгер, Веймарская республика, германский праворадикализм, еврейский вопрос, национал-социализм, «новый национализм», еврейский национализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-07-14

Проблема отношений Э. Юнгера и национал-социализма, как и сам феномен национал-социализма, в современном обществе подвержена обостренной политизации. Вызванная исключительно конъюнктурными моментами политической битвы вокруг истории, стремлением к инструментализации, превратило нацизм в токсичный элемент, близость к которому, не говоря уже о взаимодействии с ним, начиная от членства в партии заканчивая текстуальными контактами в виде частных писем или публикации статей в нацистских периодических изданиях, становятся приговором. Причем парадоксально, что именно интеллектуальный контакт, а не участие, перо, а не пролитая кровь человеческая в современном обществе превращают в более серьезное преступление. Казалось бы, фигуры военных преступников, которые, как А. Шпеер, нацистский министр вооружения, после двадцатипятилетнего заключения публиковали воспоминания о своей жизни, пользовавшиеся всемирным интересом, переведенные на многие языки и принесшие, к слову, неплохой доход автору, не вызывают пристального интереса и воинственного осуждения, как интеллектуалы. В силу

конкретных исторических обстоятельств соприкасавшихся с нацистским движением, тем более в тот период, когда нацизм находился в стадии политического становления. Склонность современных людей выносить оценки с позиций современного знания характеризует лишь их стремление к осуждению и комфортному стереотипному восприятию, чем желание понять, посмотреть на то, как это было на самом деле. Понимание всегда характеризуется сдержанностью и основательностью, так как направлено на историческое осознание, предполагающее обязательное погружение личности или события в исторический контекст, ибо только в пространстве конкретного исторического времени может быть понята позиция, высказывания, действия человека. Политикопсевдоисторические оценки грешат своим радикализмом и односторонностью, что в большей степени мешает, чем помогает пониманию исторического прошлого, однако позволяет больше сказать о современности, о болевых точках исторической памяти, которая магнитом притягивает к себе всех.

3 июня 1926 г. в «Standarte» Э. Юнгер опубликовал статью «Объединяйтесь!», представляющую собой обращение к национали-

стическим группам и партиям, и предлагающая объединение усилий в политической деятельности. Это было предложение создания единого националистического движения, не опиравшегося на наследие кайзеровского национализма, а наоборот, подчеркивающее свое новое происхождение, произрастающее из опыта Великой войны. Это обращение отображало наступление нового этапа развития националистического движения в Германии, характеризуемого поражением путчистской тактики действий, приведшей всего лишь к осложнениям для деятельности этих групп, их запрещению или разгрому. Стабилизация веймарской политической системы существенно снижала влияние радикальных групп, которые смогли сохранить свою организацию, таких как «Стальной шлем», или же тех, кто был вынужден восстанавливать свою деятельность, практически не имея никакого влияния на республиканскую политику и оказывая незначительное воздействие на локальные группы германского населения, как, например, нацисты. Именно на эту нестабильную ситуацию указывал Э. Юнгер, предлагая объединяться. Следует подчеркнуть, что этот призыв не был связан с его стремлением стать политическим лидером нового объединенного националистического движения, сколько являлся попыткой высказывания предложения о необходимости такого объединения, проговаривание тех принципов, которые могли послужить основанием к нему. «Мы, вчерашние, сегодняшние и завтрашние войны оказались в такое время, когда все, во что мы верили, и за что мы погибали несчетное количество раз, мы видим безжалостно утопающим в бездне. И если мы собирались вместе, в разных городках и в кругу разных людей, то, прежде всего, из чувства внутренней самозащиты» [4. S.216].

Национализм становился стержнем германского праворадикального движения, однако для четкого понимания контекста сказанного Э. Юнгером необходимо учитывать то, что праворадикальные группы в 1926 г. были настолько слабы, что среди них нельзя было выделить ту силу, которая могла бы претендовать на лидерство. По-своему, разгром и усмирение радикализма в 1923 г., а также поражение правых в 1925 г. на президентских выборах отбросило правые силы на задворки политической сцены. Пространство их деятельности было рыхлым и нельзя сказать, что на нем

выступала фигура, способная претендовать на политическое лидерство среди правого лагеря реально. Символические фигуры, подобно Э. Людендорфу, так и остались в своем символическом сиянии, но в 1926 г. этого было уже недостаточно. К тому же сияние их личности, притягательность имени, оставались в прошлом, основывались на заслугах, которые могли еще вселять уважение, но не способны составить основу политического лидерства в реальной политике. Предлагать овечьные славы знамена прошлого было уже мало, следовало искать пути к сердцу немцев не на основе ностальгии, а посредством рассмотрения реальности. Позволим себе сразу оговориться, что многие правые силы находились на пути политического становления, в том числе и национал-социалисты, и не представляли собой реальной политической силы и не оказывали общегерманского влияния. Именно последние и было возжеленной целью праворадикальных сил в то время, об этом писал Э. Юнгер, выступая за необходимость политического объединения. «Пришло время, когда единичные движения должны повернуться к националистическому окончательному фронту», который должен опираться на «четыре столпа: национализм, социализм, обороноспособность и авторитарное построение» [4. S.219]. Политическое объединение должно было быть направлено не только на создание единства правых сил, но и на обретение широкой социальной опоры, которая невозможна без объединения с рабочими, которые испытывают опасения перед взаимодействием с правыми боевыми группами. Преодоление этого недоверия послужит основанием политического успеха. И в этой связи Э. Юнгер указывал на национал-социализм как на силу, способную к объединению подобных интересов. «Национал-социализм на основе своего иного принципа вождя обладает этой способностью и не следует рассчитывать на определенный успех до тех пор, пока не исключат всю мелочность с обеих сторон и не протянут друг другу руку. Мы сделаем четкое разделение: солдаты как вожди в борьбе за власть, рабочие как вожди в экономической борьбе» [4. S.220].

Несмотря на обозначенное единство целей, Э. Юнгер проводил разделительную черту между национал-социализмом и новым национализмом, состоящей в разной

направленности действий — в политической борьбе за расширение и завоевание масс и оттачивании самой националистической идеи, придание ей полного, завершенного характера. Дихотомия политика-идея составляли сердцевину юнгеровского национализма. Фактически это означало, что для него вопрос политического участия не рассматривался вообще. Причины подобного дистанцирования скорее всего определялись тем, что путь писателя и публициста был для него важнее политической деятельности. Поэтому разделение действия и идеи вписывались в его мировоззренческий контекст создаваемого им движения идеи как идеологического центра национализма. Подчеркивая разнонаправленность действий, Э. Юнгер отмечал, что «национал-социализм в своем свойстве как политическая организация нацелен на достижение реальной власти, в то время как задача национализма иная. С одной стороны, есть желание реализовать идею, с другой стороны, возможность понять ее в чистой глубине. Поэтому для национал-социализма играют роль массы и право, в то время как для национализма численность не имеет значения, а явление, подобное Шпенглеру, которое демократия с железной последовательностью замалчивала, весит больше, чем сотня мест в парламенте» [3. S.319].

Намечавшееся движение навстречу между Э. Юнгером и национал-социализмом, не реализовалось. Нам представляется, что дело было не столько в несостоявшейся встрече Э. Юнгера и А. Гитлера, сколько в ином. Думается, что подобного объединения и не состоялось из-за политической амбиций обоих участников. Фюрерский диктат А. Гитлера не оставлял возможности для политической кооперации автономных участников, а представлял только тотальное подчинение и вовлеченность в нацистское движение, признание верховенства не только его личности, но и авторитета его позиции, признания его мнения. Э. Юнгер не только стремился к сохранению организационной и творческой самостоятельности, но и обладал амбициями интеллектуального лидера, не желавшего подчиняться кому бы то ни было. В письме к Фридриху Хильшеру от 15 апреля 1927 г. Э. Юнгер подчеркивал, что «я знаю в Германии имеющиеся силы; я знаю, что пока только я один могу придать делу правильное направление, и это довольно

печально» [2. S.29]. Громозкость партийного аппарата НСДАП, как и сама партийность представлялись Э. Юнгеру противоречащими его принципам, о чем он писал в письме журналисту Людвигу Алвенсу 18 октября 1927 г. Поэтому естественным выглядит его отказ от депутатского мандата НСДАП в рейхстаге в конце 1927 г., предложенный ему А. Гитлером. Э. Юнгер, по словам Карла Петеля, в ответном письме обозначил собственную версию отказа быть заслуженным представителем «шестидесяти тысяч простофиль в парламенте», нежелание ввязываться в политическую деятельность [9. S.89].

Одним из важных дискуссионных вопросов для внутригруппового конфликта была позиция Э. Юнгера в отношении роли евреев в общественной и политической жизни Германии. Обозначенный разрыв с немецкими правыми и критика их псевдореволюционности из-за проправительственной политики и осуждения терроризма *Landvolk* был усилен обсуждением еврейского вопроса. В современной европейской политической культуре и интеллектуальной мысли сама постановка не только вопроса, но и словосочетание *Judenfragen* уже считается преступным и вызывает возбужденные утверждения о маргинализации. К тому же, чтобы усилить воздействие и дескредитировать, оскорбить и опорочить, демонизировать и клеймить человека и мыслителя достаточно выжить на нем клеймо «антисемит», отталкивая как чумную тонкую грань нюансов и особенностей. Клише и клеймо ни на миллиметр не приближают к пониманию, но вместе с тем удобны для того, чтобы стереть имя, стереть в буквальном смысле, не оставив даже набора цифр на теле, по которому можно было бы идентифицировать личность. Тем более, если убедить себя в том, что еврейский вопрос был центральным вопросом европейской философской и политической мысли [1], который им никогда не являлся, находясь на вторых или третьих рядах, если не учитывать кристальных антисемитских авторов, озадаченных только этим, которых сложно и назвать мыслителями. Кривое зеркало нацизма, точнее нацистской политики уничтожения в отношении евреев, с помощью которого рассматривают прошлое, связывает с ним всех, находящихся в пространстве исторического времени, создавая искаженную

картину реальности, не желая учитывать нюансировку. Удобство подобного взгляда позволяет уклониться от полемики, перефразируя адорновско-хоркхаймеровское аксиомное утверждение, что какая может быть дискуссия после Аушвица. Поколение первой половины XX века, объективно находившееся вне бремени памяти о нацистских преступлениях, имело другой ракурс рассмотрения. Весьма удобно свети все это к нацизму, но сводимо ли?

Хотим сразу оговориться, что Э. Юнгера еврейский вопрос не играл сколько-нибудь важного звучания и не занимал существенного места в интеллектуальном наследии, но он его касался предметно в двух статьях, вышедших в 1930 г.: «В заключительном слове к одной статье» и «О национализме и еврейском вопросе», причем последняя статья вышла в «Süddeutschen Monatshefte» 12 сентября 1930 г. в тематическом выпуске, посвященном еврейскому вопросу, представленного палитрой авторов диаметрально противоположного полюса взглядов на проблему, таких как Лео Баек, Израэль Коэн, Исмар Эльбоген, Теодор Фрич, Герхард Хильдхайм, Йозеф Хофмиллер, Карл Мария Кауфман, Курт Корникер, Эрнст Мёринг, Макс Науманн, Ева Райхманн-Юнгманн, Эрнст граф цу Ревентлов и Теодор Зайберт. Калейдоскопичность авторов позволяла создать представление о разнообразии позиций. Люди первой половины XX в. были склонны полемизировать, а не запрещать, и они считали допустимым обсуждать еврейскую роль в германской и европейской политике и обществе, тем более эта проблема не рассматривалась как преступно-табуированная. Рассмотрим взгляды Э. Юнгера в историческом контексте веймарского времени.

Э. Юнгер отмечал, что в возникшей полемике, ожидал обвинений со стороны оппонентов в том, что «я являюсь другом евреев». Подобное требовало ответа и он однозначно определяет, что «на самом деле в это время меня в большей степени интересовал немецкий вопрос, и я был настолько занят, что у меня не было времени, чтобы заниматься еврейским» [5. S.543-544]. Однако обращаясь к проблеме, он стремится определить ее значимость для нового национализма и считает, что приписываемая еврейству разрушительная природа во многом преувеличена. При

этом ставит вопрос об игре понятием еврейство, считая его самоидентификацией народа и поэтому имеющим необходимость трактовать его как представителя националистического движения, как народ, обладающий национализмом. Тонкий нюанс состоит в том, как писал Э. Юнгер, что «я признаю разрушительные качества этой расы, - но что это за разрушитель, который уже испытывает страх перед евреем?» Он считал, что если и говорить о наличии угрозы, которая может исходить от еврейства, то это возможно только в либеральном обществе, которое собственными принципами создает условия для нивелировки национального, мимикрирование еврейства, которое, в конечном счете, в своем стремлении к ассимилированию среди другого народа, приводит к отходу евреев от еврейства. Поэтому связывая еврейство и либерализм как среду, благоприятствующую ассимиляции, он не видит в нем угрозу для героического национализма, который не отождествляет себя с либеральными принципами. Антисемитизм немецких правых носил преувеличенный и болезненный характер. «Антисемиты в собственном деле подобны охотникам за бактериями, если они верят в то, истребляют микроба, то перед их глазами появляются тысячи новых. Этот метод в конце концов окончательно превращается в манию и потому он руководствует тем, что на каждом шагу он видит кишаших евреев, как в горячке видят белых мышей». Подобное означает, что «преувеличение роли евреев, свойственное современному антисемитизму, является побочным явлением либерального времени» [5. S.544].

Наступающая эпоха национализма предвещает крушение либеральных ценностей и те, кто связан с ними, погибнут под ее обломками. Фокус взгляда Э. Юнгера националистический, что предполагает не только доминирование немецких интересов и важность именно немецких проблем, но и столь не характерную терпимость к национализму других народов, признание значимости самого этого факта как союзнического сегмента в борьбе против либерального мира. Эта мысль, с ее антиверсальским дискурсом, была распространенной позицией среди консервативных националистов первых лет Веймарской республики, озвученной Мёллер ван ден Бруком

в «Третьем рейхе». Э. Юнгер также придерживался этой позиции. «Для евреев есть только одна надежная позиция, только один Соломонов храм и это еврейская ортодоксия, которую я приветствую, как я приветствую действительное и высказанное своеобразие каждого народа. Без сомнения оно будет укрепляться на своей почве, чем большую силу будет набирать национализм европейских народов» [5. S.544]. В этой связи судьба ассимилированных евреев связана с либерализмом буржуазного государства, дающему ему освобождение от еврейства, и неразрывно соединена с его ожидаемым концом. Ассимиляция лишит его горизонта национальной перспективы. Э. Юнгер подчеркивал, что ассимилированные евреи «могут трудиться тысячу лет, но не создадут ни единственной строфы в духе Гёльдерлина. Они могут скопить в своих банках все золото мира, но оно все равно в мгновение станет безвластным, когда придет понимание, что железо крепче золота. Еврей, когда он не еврей, всего лишь актер наших низменных инстинктов, которым он сам не способен даже обладать» [5. S.545].

В статье «О национализме и еврейском вопросе» Э. Юнгер пытался определить способ снятия еврейского вопроса с немецкой повестки дня, пытаясь определить его решение, когда сама постановка проблемы решения заостряла все углы вопроса, не порезаться о которые было практически невозможно. При этом следует учитывать логическую схему его размышлений, определяющую сам подход. В рамках культурного пространства Германии первой половины XX века обсуждение еврейского вопроса в смысле определения влияния и участия евреев в европейской политике и культуре было достаточно распространённым явлением. Экстремистски-лозунговый антисемитизм радикально правых навряд ли можно назвать даже обсуждением. Это было уже готовое клишированное решение по устранению политизированных евреев, исключавшее дискуссию о еврейском вопросе. Э. Юнгер же пытался размышлять о том, чем является еврейство в современной Германии. Он указывал, насколько важным для евреев был современный либеральный порядок, превращающий их в часть себя, а также ту роль, которую играют консервативно-национали-

стические силы, практикующие антисемитизм. «Евреи испытывают внимание, которое оказывают им силы, исповедующие сегодня консервативную идею, не жалуясь об этом, даже антисемитская полировка этих сил идет им на пользу. <...> Поэтому он зависит от преследования, от антисемитизма, следовательно, как правильно сказано, гетто есть еврейское изобретение» [6. S.589]. Э. Юнгер считал, что современный немецкий еврей вписан в либеральный порядок и комфортно в нем существует. Его положение в большей степени является производным от него, чем сама создана по его представлению, как утверждают антисемиты. «Еврей не отец, а сын либерализма, как он вообще не может играть творческой роли, ни доброй, ни злой, касающейся немецкой жизни. Чтобы стать опасным, заразительным, разрушительным ему необходимо положение, в котором он мог бы вжиться в новый гештальт, в гештальт цивилизованного еврея. Это состояние он достигает через либерализм, через декларацию великой независимости духа и оно может прекратиться не иначе как через такие события как полнейшее банкротство либерализма» [6. S.590].

Стремясь к уничтожению либерализма, немецкий национализм должен создать новую систему порядка, делающим либерализм постисторическим явлением, исключаящим любую преемственность с ним. Причем рецепты фашизма и большевизма не могут стать основой будущего германского государства. «Так не случайно, что итальянский фашизм находится на одной ноге с цивилизованным евреем, так как фашизм выступает не иначе как позднее состояние либерализма, упрощенную и урезанную форму, как будто брутальную стенограмму либеральной конституции, на современный вкус льстивой, напыщенной и педантичной. Для Германии фашизм подходит также мало, как и большевизм, они возбуждают, но не приносят удовольствия, и мы можем еще надеяться, что эта страна найдет собственное и суровое решение» [6. S.591]. Э. Юнгер рекомендовал сконцентрироваться на главной идеи: германском государстве в постлиберальное время, так как именно это является важным для германского националистического движения, еврейским вопрос же вторичен и находится на периферии национальных устремлений. Но так как

цивилизованный еврей и либерализм взаимосвязаны, то стремление немецкого национализма разрушить либеральные бастионы создает для цивилизованного еврея угрозу потери комфортного положения. И несмотря на то, что для нового национализма нет никакого дела до еврея, но он, как часть либерального порядка, выступит в качестве противника немецкого националистического движения. Воля немецкого национального движения выражается в «гешталте Германского рейха как силы, питаемой из своих собственных корней. Где лежит истина немецкой границы, что есть собственно немецкая литература, немецкая история, немецкая наука, немецкая психология, что значит для нас война, труд, мечта, искусство: это и еще многое другое мы должны увидеть и узнать, и сделать действительным — это единственная опасность, которая таится для цивилизованного еврея. Так как все это подтверждает первый немецкий принцип, который еврей всегда стремится отрицать, а именно предложение, что существует Отечество, называемое Германией. Одно из очевидного следствия этого предложения является то, что еврей существует. Но тонкая и искусная деятельность цивилизованного еврея служит как раз эффективным руководством доказательства обратного, что еврей собственно не существует, - и это предложение возводится в ранг в каждой еврейской теории. Понимание и осознание собственного немецкого гешталта очевидно и отчетливо исключает гештальт еврея, подобно тому, как на ясной и спокойной воде виднеется как определенный слой масла» [6. S.591-592]. Современному немецкому национализму следует четко представлять, что профиль цивилизованного еврея не еврейский, а либеральный. В этом кроится ошибка праворадикального движения, видевшего только внешнее. Э. Юнгер полагал, что «действительным оружием против него, мастера всех масок, будет: увидеть его. Цивилизованный еврей в массе своей все еще цепляется за либерализм, которому он как никому иному должен быть благодарен за все» [6. S.592].

Э. Юнгер полагал, что развитие немецкого национального движения поставит перед цивилизованным евреем проблему выбора, которая, в отличие от радикального взгляда национал-социалистов,

виделась ему иначе. Перефразируя положение П. де Лагарда, высказанное в «Немецких сочинениях» о том, что евреи должны «или эмигрировать из Германии, или стать немцами» [8. S.422], он отмечал, что как только «немецкая воля будет обретать четкость и гештальт, для евреев станет невозможным тонко прорисованный выбор быть в Германии немцем, и он увидит свою окончательную альтернативу: либо быть в Германии евреем, либо не быть» [6. S.592]. Конечно, обладая знанием о судьбе евреев при нацистском господстве можно усмотреть в этом прообраз еврейской политики, и даже развитие юнгеровского предложения в сторону еврейской национальной идентификации навряд ли уберегло бы их от еврейской политики нацизма, но вместе с тем, не нивелировать юнгеровское видение еврейского вопроса и уравнивать его с нацистским представлением. Для Э. Юнгера это не была тема, которой он готов был уделять пристальное внимание, и не считалась для него важной. Он подчеркивал, что «я вообще-то не люблю касаться этой темы, так как каждый опыт направить великий метафизический поток нашего времени в каналы убогой каузальности станет сам собой деятельным» [5. S.545].

В современной литературе тема размышлений европейских интеллектуалов над еврейским вопросом приравнивается к преступлению и уже тем самым включается в «культуру отмены». Так, итальянская исследовательница Д. Ди Чезаре, рассматривая хайдеггеровскую философию сквозь зеркало «Черных тетрадей» М. Хайдеггера, обращает внимание на родство хайдеггеровского и юнгеровского антисемитизма. Несмотря на претензию к историчности и герменевтичному анализу философской мысли, автор создает еврейский стержень, на который нанизывает европейскую философию, превращая еврейство/антисемитизм в магистральную идею немецкой философии. Уделяя антисемитизму Э. Юнгера параграф книги, Д. Ди Чезаре превратно, а местами и ошибочно трактует не только биографию, но и сочинения писателя. Она утверждает, что опыт Э. Юнгера определял сущность его мировоззрения. «Вражда и в дальнейшем оставалась для Юнгера ключом к экзистенции» [1. С.282]. В ее представлении юнгеровское мировоззрение представляет собой следующее: «обесчеловечение

врага, небрежение ценностью жизни, антигуманизм, милитаристски-социалистический эротизм, языческий восторг перед природными стихиями и первобытной жестокостью сливались в едином потоке «военного мистицизма» - по определению Вальтера Беньямина» [1. С.283]. Подобная зарисовка подводит к необходимости наличия у Э. Юнгера и антисемитских взглядов. Автор убеждена, что иудаизм и еврейство были враждебными националистическими силами. Однако следует отметить, что Д. Ди Чезаре передергивает определение места еврея в будущем рейхе, данное Э. Юнгером, таким образом, что сказанное приобретает угрожающий характер, разрывая предложение и перестраивая фразу, написав, что в рейхе им придется быть евреем или не быть, где под последним Д. Ди Чезаре понимает уничтожение еврея [1. С.288]. Но, если прочитать Э. Юнгера, то у него подобной трактовки нет. Тем не менее, для Д. Ди Чезаре наличие у Э. Юнгера антисемитских взглядов и то, что он в своей деятельности был антисемитом, не вызывает сомнения, заостряя антисемитский стержень немецкой философии, подводя его к гольдхагенскому определению немецкого народа как «нации убийц».

Х. Кизель стремился разобраться в месте еврейского вопроса в жизни и творчестве Э. Юнгера отмечая, что утверждение о том, что Э. Юнгер был антисемитом совершенно «непонятно» [7. S.309]. Выделяя личные отношения Э. Юнгера с евреями, он указывал на достаточно тесное общение еще в детстве. Э. Юнгер вспоминал, что когда семья жила в Ганновере, их семейным врачом был еврейский врач по фамилии Штернхайм. В ранние школьные годы среди большинства протестантских учеников были только два католика и один еврей. В школьные годы в Вунсторфе он дружил с одноклассником-евреем Хаммершлагом. В послевоенные годы у Э. Юнгера, как в Лейпциге, так и в Берлине было

значительное количество друзей евреев, сокурсников по учебе, преподавателей и публицистов. Можно указать на тесную дружбу с писателем и левым революционером еврейского происхождения Эрихом Мюзамом, который был убит в 1934 г. в концлагере Оранинбург. Также к концу 1920-х относится его дружба с еврейско-румынским писателем Валерием Марку. В «Авантюрном сердце» он с большим уважением цитирует О. Вейнингера, с уважением и без какой-либо ссылки на еврейское происхождение он пишет о К. Марксе, а убийство Вальтера Ратенау в 1922 г. он воспринимает как «трагическое событие», который для его поколения оставался вдохновляющей силой к победе в Великой войне [7. S.310-312]. Х. Кизель считает, что стиль статьи Э. Юнгера о еврейском вопросе вписывается в рамки «элиминированного антисемитизма», удаляющего евреев, но это не означает, что такой подход следует отождествлять с политикой ликвидации, уничтожением, «окончательным решением», проводимым национал-социализмом в Третьем рейхе. Это было чуждо Э. Юнгеру, о чем он писал на страницах Парижского дневника [7. S.317, 315].

Затрагивание в политической публицистике Э. Юнгера еврейского вопроса позволяет сделать вывод о том, что данный аспект представлялся для него малозначительным и не составлял основу мировоззрения в контексте его мировоззрения. Высказанные им позиции позволяют указать на необходимость подчеркивания еврейского национализма как представителя националистического движения и критику политики ассимиляции евреев, которая вызывала осуждение и сионизмом. Его размышления о еврейском вопросе в современной Германии в годы Веймарской республики не тождественны нацистской интерпретации, а сама проблема не была для него проблемой в целом для развивающегося движения нового национализма.

Список литературы

1. Ди Чезаре Д. Хайдеггер и евреи. По страницам «Черных тетрадей»/ Пр. с итал. и примеч. А. Чёрного. – СПб., 2021
2. Jünger E., Hielscher F. Briefe 1927-1985, hrsg., komment. und mit einem Nachwort v. Jna Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
3. Jünger E. Nationalismus und Nationalsozialismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
4. Jünger E. Schliesst euch zusammen!// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001

5. Jünger E. Schlusswort zu einem Aufsätze// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
6. Jünger E. Über Nationalismus und Judenfrage// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
7. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
8. Lagarde P. de Schriften für das deutsche Volk. Bd.1. Deutsche Schriften. – München, 1934
9. Paetel K.O. Ernst Jünger. Weg und Wirkung. – Stuttgart, 1949

ERNST JUNGER'S POLEMIC WITH NATIONAL SOCIALISM DURING THE WEIMAR REPUBLIC

The article examines the problems of political journalism of the German right in the years of the Weimar Republic as an example of the analysis of the place, interpretation and significance of the Jewish question in the creative heritage of Ernst Junger. In the conditions of post-war Germany, anti-Semitism acquired a political sound due to the fact that a significant percentage of German Jews were represented in the revolutionary government, the Social Democratic and radical left parties, who turned into the face of the Weimar Republic. Antisemitism became an important domestic political component of the struggle against the Weimar political system, which allowed reducing political controversy to racial and national components. The unity and difference between the political journalism of the Nazis and E. Junger as the leader of the "new nationalism" is analyzed. The place of the Jewish question as a political problem is considered in the context of the nationalist ideas of the Weimar right. The study of the peculiarities of the understanding of Jewry in the ideas of E. Junger and its difference from the Nazi interpretation is being carried out. The desire of National Socialism to turn anti-Semitism into one of the structural components of ideology and political journalism made it possible to group political opponents into a single racially defined whole and concentrate the entire range of political means of struggle against it. The political divergence of E. Junger and National Socialism was based in addition to political divergences and on the fact that the place of the Jewish question in his ideas did not occupy any significant place, not in terms of ideological or personal.

Keywords: A. Hitler, E. Junger, Weimar Republic, Germanic right-wing radicalism, Jewish question, National Socialism, "new nationalism", Jewish nationalism.

References

1. Di Čezare D. Hajdegger i evrei. Po stranicam «Černyh tetradej»/ Pr. s ital. i primeč. A. Čěrnogo. – SPb., 2021
2. Jünger E., Hielscher F. Briefe 1927-1985, hrsg., komment. und mit einem Nachwort v. Jna Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
3. Jünger E. Nationalismus und Nationalsozialismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
4. Jünger E. Schliesst euch zusammen!// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
5. Jünger E. Schlusswort zu einem Aufsätze// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
6. Jünger E. Über Nationalismus und Judenfrage// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
7. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
8. Lagarde P. de Schriften für das deutsche Volk. Bd.1. Deutsche Schriften. – München, 1934
9. Paetel K.O. Ernst Jünger. Weg und Wirkung. – Stuttgart, 1949

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, e-mail: artamoshinsv@mail.ru